

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-1-42-49

УДК 82:801; 398:801

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КОРАБЛЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: МОРТАЛЬНЫЙ ПОДТЕКСТ

М.А. Дударева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Данная статья посвящена изучению генезиса образа корабля в русской литературе и фольклоре, идее «иног царства» в поэтике русской литературы XIX—XX вв. Большое внимание уделено вопросам, связанным с метафорой корабля, лодки в художественном мире М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, М. Горького и в поэзии начала XX в.; подробно рассматривается парадигма «луна — ладья».

Образ лодки, периодически возникающий в русской литературе, в творчестве разных художников слова, связывается с семантикой погребальной обрядовой ладьи, которая была актуальна для разных фольклорных жанров. Обращение к загадкам о смерти, к былинной традиции, к сюжетам о Разине позволяет увидеть сложность и большую значимость символа лодки/ладьи/корабля для национальной культуры. За этим символом кроется высокая идея смерти как космического перерождения, инициации героя, что оказалось востребовано русской литературой, как реалистической прозой, так и поэзией авангарда и модернизма.

Ключевые слова: литература, фольклор, образ корабля, луна, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Горький, Маяковский, Есенин

Этнографический материал и мировой фольклор дают возможность полного представления об образе и значении корабля как средства перемещения между мирами, средства достижения героем чудесного желаемого. Об этом еще писали А.Н. Афанасьев и Д.Н. Анучин в традициях сравнительной этнографии [1]. Однако большая часть современных исследований посвящена «кораблю мертвых» в культуре народов Океании и Индонезии [13], что вполне объяснимо самим материалом для исследования: у этих народов жизнь тесно связана с морем, с водными средствами передвижения. Но стоит отметить, что корабль для них не есть простое средство переправы, а *ритуально значимый* предмет; корабль уподобляется Мировой Оси. О типологии кораблей в мировой культуре писал и востоковед В.И. Брагинский, уделяя большое внимание суфийскому кораблю [4]. Большое значение корабль имеет и для русского фольклора и национальной аксиологии, хотя он, возможно, и не так ярко выражен как у скандинавов. Цель данной статьи заключается в рассмотрении генезиса образа корабля в русской литературе XIX — начала XX в. Для анализа привлекаются тексты М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, С.А. Есенина, В.В. Маяковского и др. Методология авторского исследования предполагает использование историко-функционального, историко-генетического, системно-типологического и структурного методов анализа. Фольклори-

стическое комментирование произведений русской литературы поможет выявить сложность, многомерность образа корабля, который трансформируется в разные модели — ладьи, лодки.

Первый необычный корабль, который стоит упоминания — былинный *Корабль-сокол*. Этот корабль представляет собой *космическую модель*, на что указывают животные-тотемы, расположенные по его бокам (змеится нос), и звездный орнамент. Примечательно то, что именно «старинку» о Корабле-соколе распевали в праздник, в *поворотный момент* годового цикла (от Рождества до Крещения при обходе домов), что включает ее в обрядовый контекст [9. С. 7—14]. Здесь уместно вспомнить положения о метафоре облаке=корабле из поэтических воззрений Афанасьева, проанализировавшего образ корабля в культуре германцев и славян, и пришедшего к выводу о мировых представлениях небесного свода — морем и небесных светил — кораблем, ладьей [2. С. 121]. Таким образом, можно поставить вопрос о прямом соотношении архетипа корабля с небесной, звездной символикой, что также позволяет задуматься о космическом медиарном значении корабля/ладьи. В русской загадке о смерти встретим архетипическое построение «птица» + «лодка», в котором оба символа — переходны, иномирны. Кроме того, если говорить о модификациях этого образа, то необходимо вспомнить из русского фольклора и чудесный *Иванов двор* или терем царевны, которые воплощают *космическую модель*. Дом в русской аксиологии — сакрален, он находится между *тем и этим* миром, приобщая героя к знаниям другого порядка [12. С. 59—61]. Единый орнамент и медирующие функции объединяют образ корабля и дома. Сравнение, на первый взгляд, может показаться неожиданным, но при обращении к текстам русской литературы сталкиваемся с *космической ладьей* или образом лодки, корабля, также сопряженного с лунарной, звездной символикой.

Так, в «Асе» И.С. Тургенева есть один примечательный момент, интересный в контексте поднимаемой темы. Ася, переправляя нового друга после встречи домой, выкрикивает: «Вы *разбили лунный столб*» [16. С. 231]. Можно было бы списать эту деталь на вздорный характер девушки (она «дичок», хамелеон, своенравная голова) или на причудливость тургеневского пейзажа, также созвучного психологии героев, однако, во-первых, именно Ася договаривается о переправе, обгоняя молодых людей, во-вторых, на *ритуальном языке* этот жест «разбить лунный столб» указывает на *несостоятельность* героя, на разность Аси и молодого человека. Образ луны сопровождает весь путь героя, высвечивая разные начала в нем. В тургеневском фрагменте лодка и луна (лунный столб) в одной парадигме приобретают ритуальное значение. Тайная природа девушки амбивалентна — она и лунная, и солнечная. В дальнейшем это прозревает герой: «<...> она являлась мне полузагадочным существом» [16. С. 241].

Подобное сопряжение образа лодки и небесных светил обнаруживается и в поэтике М.Ю. Лермонтова. В романе «Герой нашего времени» Печорин, сталкиваясь с бандой честных контрабандистов, вступает в состязание с девушкой-ундиной в лодке, переходящее в *агон*, в ритуальную борьбу (агон понимаем, вслед за О.М. Фрейденберг, как космическое ритуальное состязание, очистительную жертву [17. С. 489]). Само предложение «покататься в лодочке» наполнено сакральным обрядовым смыслом. Вспомним предложение княгини Ольги пока-

таться в лодочке, адресованное древлянам. Печорин должен был насторожиться, к тому же его «спутница» не за долго до этого вела с ним *странный диалог*, из которого он ничего не понял. Диалог больше напоминал словесный агон, состязание на «прочность», чем обычный разговор: «Скажи-ка мне, красавица, — спросил я: — что ты делала сегодня на кровле?» — “А смотрела, откуда ветер дует”. — “Зачем тебе?” — “Откуда ветер, оттуда и счастье”. — “Что же, разве ты песню зазывала счастье?” — “Где поется, там и счастливится”. — “А как неравно напоешь себе горе?” — “Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять не далеко”. — “Кто ж тебя выучил эту песню?” — “Никто не выучил; вздумается — запою: *кому услышать, тот услышит, а кому не должно слышать, тот не поймет*”. — “А как тебя зовут, моя певунья?” — “Кто крестил, тот знает”. — “А кто крестил?” — “Почему я знаю?” — “Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал» [10. С. 256]. Этот диалог состоит из двух частей: вопросов Печорина и *ответов-загадок* девушки. На свои посредственные вопросы герой получает зашифрованные ответы, где ключевым является момент сакрального посвящения/непосвящения Печорина в тайну «честного круга контрабандистов: “кому услышать, тот услышит, а кому не должно слышать, тот не поймет”» [10. С. 256].

Обрядовый подтекст образа лодки видится и в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Верховенский неслучайно предлагает покататься Ставрогину в несуществующей лодочке с кленовыми веселками: «Мы, знаете, *сядем в ладью, веселки кленовые, паруса шелковые*, на корме сидит красна девица, свет Лизавета Николаевна... или как там у них, черт, поется в этой песне...» [6. С. 404]. Фольклористы интерпретируют этот сюжет через поэтику *космической ладьи*, где Кормчим мог стать Ставрогин [14. С. 160], а «ладья» могла бы объединить Верховенского, Лизу и Ставрогина, являясь *эзотерическим символом*. Лиза в этом случае выступает некой фигурой умолчания, но, при этом, организующей и управляющей *путешествием*. На этот фрагмент обращали внимание и в связи с разинским сюжетом, «разинской расписной ладьей» [3. С. 220], однако нужно учитывать и фольклорную *ритуальную* логику. Подобное мета-значение лодка приобретает и в рассказе М. Горького «Однажды осенью». Не углубляясь в метафизику сюжета, обратим внимание на парадигму «разбитая ветла — перевернутая лодка». Повествование начинается именно с этих деталей: «Небо тяжело и мрачно, с него неустанно сыпались еле видные глазом капельки дождя; печальную элегию в природе вокруг меня подчеркивали две обломанные и уродливые ветлы и опрокинутая вверх дном лодка у их корней» [5. С. 473]. Специалисты, анализирующие рассказ в фольклорно-мифологическом контексте, указывают на расширение смыслового содержания текста за счет образов-символов, лодки и ветел: «<...>в обычной («профанной») детали проступает у Горького определенное сакральное содержание» [18. С. 40].

В поэзии начала XX в., в новокрестьянской эстетике, поэтике С. Есенина обнаруживаем образ корабельный, заставочный, о котором поэт подробно писал в философском трактате 1918 г. «Ключи Марии»: «Существо творчества в образах разделяется так же, как существо человека, на три вида — душа, плоть и разум. Образ от плоти можно назвать *заставочным*, образ от духа *корабельным* и третий

образ от разума *ангелическим*» [7. Т. 5. С. 205]. Есенинский корабль (лодка) связан со звездной и лунной символикой:

Желтые поводья
Месяц уронил.

Корабль представляет собой *космическую модель*, связанную также с женским архетипом, с мотивом *смерти — возрождения*:

В чарах *звездного напева*
Обомлели тополя
.....
Коромыслом *серп двурогий*
Плавно по небу скользит [7. Т. 4. С. 59].

Или в стихотворении «Устал я жить в родном краю...»:

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора [7. Т. 1. С. 140].

Отголоски образа лодки/ладьи, которая переправляет героя в другое пространство и выполняет медирующую функцию, находим и в поэтике В. Маяковского. В поэме «Про это» герой *размедвеживается*, т.е. превращается в медведя, а вся комната, пространство вокруг трансформируется в море, кровать, подушка — в плот:

Подо мной подушки лед.
С Ладоги дует.
Вода бежит.
Летит подушка-плот.
Плыву.
Лихорадюсь на льдине-подушке [11. Т. 4. С. 149].

Образный строй русской загадки о смерти, об «уточке на плоту», дает представление о ритуальном плоту/лодке — это способ переправы в мир мертвых, в страну предков:

Сидить утка
На тату-плоту;
Никто отъ нея не уйдетъ:
Ни царь въ Москвѣ,
Ни король въ Литвѣ,
Ни рыба въ морѣ,
Ни звѣрь въ полѣ (норѣ) [8. С. 252].

Так, лирический герой Маяковского плывет на плоту, «лихорадясь» и видя перед собой «второго человека», как бы придуманного им самим:

Он!
Он —
у небес в воспаленном фоне,

*прикрученный мною, стоит человек.
Стоит* [11. Т. 4. С. 150].

Однако у Маяковского имеется и другой образ лодки, более простой на первый взгляд — в поэме «Владимир Ильич Ленин»:

*Люди — лодки.
Хотя и на суше.
Проживешь
свое
пока,
много всяких
грязных ракушек
налипают
нам
на бока* [11. Т. 6. С. 233].

За этой внешне простой метафорой кроется идея управления человеком своей судьбою. Человек — *рулевой*, кормчий, который пробивается через фальшь повседневности и быт. Кроме того, и у Есенина подобный корабельный травестийный мотив встречается в хрестоматийном «Письме к женщине», где сама Земля представляется в виде корабля:

*Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво* [7. Т. 2. С. 123].

Ярко выраженный *мортальный* и космогонический подтекст за образом лодки прочитывается и у поэта из группы «Серапионовы братья» — Николая Тихонова. Так, в стихотворении «Лодка» находим сочетание символа лодки с символом солнца:

*Кустарник стаял. Поредели сосны,
На неожиданном краю земли
Лежала лодка в золотых осколках
Последнего, разбившегося солнца* [15. С. 117].

Примечательно то, что здесь лодка ассоциируется с «краем Земли», что, конечно, наводит на мысль о *пограничности ситуации*, модели пространства, потенциально связанной с «тем» светом:

*Она лежала строго на боку,
Вечерние, погнувшиеся доски
Нам говорили: — Здесь конец земли* [15. С. 117].

Анализ текстов русской литературы XIX — начала XX вв. показывает актуальность символа лодки/корабля для русских писателей. В творчестве Тургенева, Лермонтова, Достоевского, Горького, Есенина, Маяковского, Тихонова корабельный, лодочный образ связан с космической, лунной, звездной символикой,

а также в нем прочитывается мортальный подтекст. Это обусловлено, с одной стороны, традицией, идущей от древнерусской литературы (сюжет с древлянами и княгиней Ольгой), с другой стороны, фольклорным мировоззрением, национальной аксиологией. Все перечисленные художники слова хорошо знали русский и мировой фольклор. Типология культур показывает значимость структурно-архетипического комплекса корабля у разных народов. Этот комплекс осложнен представлениями о «том» свете, что в русском фольклоре выразилось и в открытой форме (в обрядовом погребальном комплексе — похороны Масленицы), и латентно (в сказках, в архетипе чудесного дома/терема, в загадках).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Анучин Д.Н.* Сани, ладя и кони как принадлежности похоронного обряда // Древности. Труды Московского Археологического общества. М.: Типография и Словолитня О.О. Гербець, 1890. Т. 14. С. 81—226.
- [2] *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 2. 793 с.
- [3] *Бочаров С.Г.* Французский эпитаф к «Евгению Онегину» (Онегин и Ставрогин) // Московский пушкинист V. Ежегодный сборник. М.: Наследие, 1995. С. 212—250.
- [4] *Брагинский В.И.* Суфийский символизм корабля и его ритуально-мифологическая архетипика (к историко-поэтологическому изучению топики) // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М.: Наука, 1988. С. 198—242.
- [5] *Горький М.* Однажды осенью / Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Худ. лит, 1949. Т. 1. 520 с.
- [6] *Достоевский Ф.М.* Бесы / Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 7. 760 с.
- [7] *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Наука: Голос, 1997—2002.
- [8] Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Типография Н.А. Лебедева, 1876. № 2031. 332 с.
- [9] *Иванова Т.Г.* «Малые очаги» севернорусской былинной традиции: исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 7—14.
- [10] *Лермонтов М.Ю.* Тамань / Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. 900 с.
- [11] *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Худ. лит., 1955 — 1961. Т. 4, 6.
- [12] *Петрова М.* Образ дома в фольклоре и мифе Эстетика сегодня: состояние, перспективы / Материалы науч. конф. 20—21 октября 1999 г. Тезисы док. и выс. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. С. 59—61.
- [13] *Петрухин В.Я.* Погребальная ладя викингов и «корабль мертвых» у народов Океании и Индонезии (опыт сравнительного анализа) / Символика культов и ритуалов у народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1980. С. 79—91.
- [14] *Смирнов В.А.* «Бесы» / Смирнов В.А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе 19 — начала 20 века). Иваново: Юнона, 2001.
- [15] *Тихонов Н.С.* Лодка / Тихонов Н.С. Перекресток утопий. Стихотворения. Эссе. 1913—1929. М.: Новый Ключ, 2002. 253 с.
- [16] *Тургенев И.С.* Ася / Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худ. лит., 1955. Т. 6. 397 с.
- [17] *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 895 с.
- [18] *Ханов В.А.* Фольклорно-мифологические «корни» рассказа М. Горького «Однажды осенью» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2005. № 1. С. 37—42.

© Дударева М.А., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 декабря 2017

Дата принятия к печати: 28 декабря 2017

Для цитирования:

Дударева М.А. Архетипический комплекс корабля в русской литературе: моральный подтекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 1. С. 42—49. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-1-42-49

Сведения об авторе:

Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка № 2 ФРЯ и ОД Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

THE ARCHETYPAL COMPLEX SHIP IN RUSSIAN LITERATURE: MORTAL SUBTEXT

M.A. Dudareva

Peoples' Friendship University of Russian
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The paper studies a genesis of the ship image in the Russian literature and folklore, an idea of “other kingdom” in the Russian literature poetics of the 19—20 centuries. An emphasis is put on the issues related to the metaphor of a ship, a boat in the artistic world of Lermontov, Turgenev, Dostoevsky and in the poetry of the early 20th century. A paradigm “the Moon — boat” is studied in detail.

The image of a boat, which regularly appears in Russian literature, various word-painters' art works, is associated with semantics of funeral ceremonial boat typical for different folk genres. Addressing to riddles about death, to Russian epic tradition, to plots dedicated to Razin demonstrates complexity and significance of the symbol of a boat/ferry/ship for the national culture. This symbol encapsulates the supreme idea of death as cosmic regeneration, character's initiation, which appeared highly sought by Russian literature, both realistic prose and avantgarde and modernism poetry.

Key words: literature, folklore, ship image, the moon, Lermontov, Turgenev, Dostoevsky, Gorky, Mayakovsky, Yesenin

REFERENCES

- [1] Anuchin D.N. *Sani, lad'ja i koni kak prinadlezhnosti pohoronnoogo obrjada* [Sledges, boat and horses as funeral tradition accessories]. *Antiquities. Works of the Moscow Archaeological Society*. Moscow: Tipografiya y slovolitnya O.O. Gerbek, 1890. Vol. 14. Pp. 81—226.
- [2] Afanasyev A. *Pojeticheskie vozzrenija slavyan na prirodu: v 3 t.* [Slavs' poetics opinions on nature in three volumes]. Moscow: Indrik, 1994. Vol. 2. 793 p.
- [3] Bocharov S.G. *Francuzskij jepigraf k «Evgeniju Oneginu» (Onegin i Stavrogin)* [French epigraph to *Eugene Onegin* (Onegin i Stavrogin)]. *Moskovsky pushkinist V. Annual collection*. Moscow: Nasledie, 1995. Pp. 212—250.
- [4] Braginsky V.I. *Sufijskij simvolizm korablja i ego ritual'no-mifologicheskaja arhetipika (k istoriko-pojetologicheskomu izucheniju topiki)* [Sufi symbolism of ship and its ritual and mythological

- archetypics (to historical-poetological studying of topography)]. The issues of historical poetics of East literatures. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 198–242.
- [5] Gorky M. *Odnazhdy osen'ju* [Once in the autumn]. Bitter M. Full. Coll. Op.: 30 t. Moscow: Art. lit., 1949. Vol. 1. 520 p.
- [6] Dostoevsky F.M. *Besy* [Demons]. Dostoevsky F.M. Collected works: in 10 vol. Moscow: Khud. Lit., 1957. Vol. 7. 760 p.
- [7] Yesenin S.A. *Poln. sobr. soch.:* v 7 t. [Collected works: in 7 vol.]. Moscow: Nauka: Golos, 1997–2002. Vol. 1, 2, 4, 5.
- [8] Russian people's riddles: Collection of riddles, questions, parables and problems. St. Petersburg: Tipografiya N.A. Lebedeva, 1876. Issue 2031.
- [9] Ivanova T.G. «Malye ochagi» severnorusskoj bylinnoj tradicii: Issledovanie i teksty [“Small epicenters” of the North Russian epic tradition: Research and texts]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2001. Pp. 7–14.
- [10] Lermontov M.Yu. *Taman'* [Taman]. Lermontov M.Yu. Collected works: in 6 vol. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publishing house, 1957. Vol. 6. 900 p.
- [11] Mayakovsky V.V. *Poln. sobr. soch.:* v 13 t. [Collected works: in 13 vol.]. Moscow: Khud. Lit., 1955–1961. Vol. 4, 6.
- [12] Petrova M. *Obraz doma v fol'klornoj i mife Jestetika segodnja: sostojanie, perspektivy. Materialy nauchnoj konferencii. 20–21 oktjabrja 1999 g. Tezisy dokladov i vystuplenij* [The image of home in folklore and myth. Esthetics today: status, prospects. Scientific conference proceedings. October 20–21, 1999. Theses and abstracts]. St. Petersburg: St. Petersburg filosofskoe obshhestvo, 1999. Pp. 59–61.
- [13] Petrukhin V.Ya. *Pogrebal'naja lad'ja vikingov i «korabl' mertvyh» u narodov Okeanii i Indonezii (opyt sravnitel'nogo analiza)* [Viking's funeral boat and Oceania and Indonesia nations' “ship of the dead” (comparative analysis experience)]. Symbolics of abroad Asia nations' cults and rituals. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 79–91.
- [14] Smirnov V.A. «Besy» [Demons]. Literature and folklore tradition: poetics issues (archetypes of woman in the Russian literature of the 19th — the early 20th century). Ivanovo: Yunona, 2001.
- [15] Tikhonov N.S. *Lodka* [Boat]. Tikhonov N.S. A Crossing of Utopias. Poems. Essay. 1913–1929. Moscow: Novy Klyuch, 2002. 253 p.
- [16] Turgenev I.S. *Asja* [Asya]. Turgenev I.S. Collected works: in 12 vol. Moscow: Khud. Lit., 1955. Vol. 6. 397 p.
- [17] Freudenberg O.M. *Mif i literatura drevnosti* [Antiquity myth and literature]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2008. 895 p.
- [18] Khanov V.A. *Fol'klorno-mifologicheskie «korni» rasskaza M. Gor'kogo «Odnazhdy osen'ju»* [Folklore and mythological roots of the story of M. Gorky “One autumn day”]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskij. 2005. No. 1. Pp. 37–42.

Article history:

Received: 2 December 2017

Revised: 22 December 2017

Accepted: 28 December 2017

For citation:

Dudareva M.A. (2018). The archetypal complex ship in Russian literature: mortal subtext. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (1), 42–49. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-1-42-49

Bio Note:

Dudareva Marianna Andreevna, PHD of Philology, associate professor of the Russian language department, PFUR University. *Contacts:* marianna.galieva@yandex.ru